

Валерий Лялин

КУДА ВЕДУТ ДОРОГИ

Валерий Лялин

Куда ведут дороги (сборник)

Православное издательство "Сатись"

2007

Лялин В. Н.

Куда ведут дороги (сборник) / В. Н. Лялин — Православное
издательство "Сатись", 2007

ISBN 978-5-7868-0056-3

В новом сборнике петербургского прозаика Валерия Николаевича Лялина собраны произведения, написанные в разные годы. Перед читателем – встречи с разными людьми, размышления автора о Церкви, о судьбах России, о человеческой судьбе. Объединяет все рассказы удивительно теплая авторская интонация, за которой – мудрый собеседник, советчик; человек, идущий своей дорогой и знающий, что на жизненном пути нельзя потерять самое главное – сострадание к людям и надежду на Господа.

ISBN 978-5-7868-0056-3

© Лялин В. Н., 2007
© Православное издательство
"Сатись", 2007

Содержание

И было в тот вечер	6
Диктатор	11
Облако	18
У прозорливца	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Лялин

Куда ведут дороги

© В.Н. Лялин, текст, 2007

© Издательство «Сатись», 2007

И было в тот вечер

Уже вечерело, когда мы вместе с безруким лейтенантом тайно вышли в самоволку из военного госпиталя, находившегося в центре Иванова. В этом госпитале, старинном кирпичном здании бывшей женской гимназии, довольно строго преследовали и наказывали за самовольные отлучки в город, но нам, искалеченным, уже нечего было терять, тем более что мы уже были накануне выписки.

У лейтенанта – красивого кудрявого парня – правая рука была отрезана под корень и пустой рукав гимнастерки заправлен за ремень. На груди у него красовались три боевых ордена и медаль «За отвагу». На гражданке он мечтал выучиться на юриста и в палате целыми днями просиживал за столом, учась писать левой рукой. Сейчас он спешил на автобусную станцию, чтобы на ночь уехать в Ильинско-Хованское, где его ждала невеста. Мне же не надо было ехать так далеко, я направлялся на окраину города, где в деревянном просторном доме меня ждали мать, братишка и сестра, эвакуированные полуживыми из блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера.

На город надвигались осенние сумерки, и стояла промозглая погода с мелким холодным дождем. С лейтенантом мы расстались у серого деревянного забора психиатрической больницы. За забором слышались крики и вопли, вероятно, больных загоняли в палаты после вечерней прогулки. Из щелей и дыр в заборе торчали просунутые по локоть худые синие руки больных. Это голодные психи просили у прохожих милостыню. Мелкий дождь перешел в мокрый снег, который оседал и таял на ладонях больных и был, пожалуй, единственной милостыней в эти протянутые руки. Да и откуда у прохожих была возможность подать милостыню? Это был голодный город военного времени. Даже в лучшие предвоенные годы город плохо снабжался, потому что он был городом легкой ткацкой промышленности с низкой оплатой труда, и был он богат только дешевой женской рабочей силой. Великой было несправедливостью называть их тяжелый труд в шумных жарких цехах у ткацких станков легкой промышленностью. Этот нелегкий труд могли выдержать только молодые, здоровые женщины – голубоглазые, с коротко стриженными русыми волосами, ровными сахарными зубами и несходящей улыбкой на устах. Это был цвет русской нации, приехавший с берегов Волги и Суры в душные ткацкие цеха текстильных фабрик Иванова. Мужчин в городе было мало, а молодым ткачихам хотелось нравиться и наряжаться, и вот у них появился промысел, дающий прибавку к мизерной зарплате. Они стали сдавать кровь. Молодая горячая кровь ивановских женщин и девушек рекой текла в госпиталь и больницы, тоннами отправлялась на фронт.

Мой путь пролегал через рынок, который бурлил до поздней ночи. Продавцы здесь стояли рядами с однообразным товаром. Главный ряд состоял из торгующих выкупленной по талонам водкой. Мокрые и замерзшие женщины трясли бутылками, показывая покупателям возникающие в горлышке пленки, что должно было быть доказательством, что водка качественная. Без покупателей они не оставались. Покупатели тоже трясли бутылку и, отсчитав смятые рублевки, прятали бутылку в карман. А вот ряд с буханками ржаного хлеба. Хлеб был свежий, с хрустящей корочкой и издавал чудный, присущий только свежему хлебу, запах. Но к этому хлебу не очень-то подступишься, он был дорогой. Самым большим, в два ряда коридором, был участок торговки одеждой. Они стояли, вытянув руки, на которых висели брюки, пиджаки и рубашки, а на головах, поверх платков, красовались кепки, фуражки и шляпы. В основном, это были женщины-вдовы, которые продавали одежду своих погибших на фронте мужей. Это был скорбный ряд, и покупателей здесь было мало.

Весь рынок кишел военными калеками. Они ползали по грязи в кожаных мешках по пояс, ездили на маленьких самодельных тележках – короткие безногие обрубки с грудью, украшенной медалями. Слепые играли на гармошках, одноногие скакали на костылях. Все они предла-

гали покупателям вертеть рулетку, отгадать горошину под наперстком, кто-то пел песни, кто-то собирал милостыню. Как только у них появлялись деньги, они сразу покупали водку и тут же ее распивали, потом валялись, промокшие, в холодной грязи под забором. У этих калек не было выбора, над ними все еще довлела война. Она была у них в мозгу, в сердцах, в обрубленных культиях ног, она приходила к ним в кошмарных ночных снах, и, чтобы уйти от нее, проклятой, они пили, и пили беспробудно.

Дом, в котором жила моя мать с детьми, стоял на краю оврага, где внизу теснились домики и огороды казанских татар. В нашем доме, в верхней светелке, жил и мой двоюродный брат Феликс. Имя его означает – счастливый, но это было просто насмешкой судьбы. Он только что вышел из тюрьмы, где сидел за воровство, и доживал последние дни, страшно кашляя по ночам и выхаркивая кровавые ошметки легких. В тюрьме он проиграл в карты два передних зуба, и улыбка его на обтянутом бледной кожей костлявом лице была жутковата. В тюремной больнице врач сказал, что он может еще поправиться, если будет хорошо питаться, например, часто есть куриный суп. И он старался. Каждое утро он забирался с удочкой в сарай и, насадив на крючок наживку и немного приоткрыв дверь, караулил легкомысленных татарских кур, которые поднимались из оврага и гуляли по нашему двору.

– Ти, ти, ти, – слышался из сарая завлекающий и многообещающий зов Феликса.

Доверчивые куры, опережая друг друга, спешили к полуоткрытой двери. Тут охотник выкидывал из сарая крючок с наживкой, и жадная курица-воструха поспешно склевывала наживку. Тут уж охотник не зевал, быстро делал подсечку, молниеносно втаскивая жертву в сарай, и скручивал ей шею. Держа в зубах толстую, из газеты, самокрутку с махоркой, он деловито ощипывал курицу и, пуская клубы едкого махорочного дыма, говорил в утешение почившей:

– Все там будем.

У него был какой-то странный ритуал: ночью он спускался в овраг и оставлял на пороге татарского дома ощипанные куриные перья.

– Татарам на подушку, – говаривал он.

Наевшись жирного куриного супа и набравшись сил, он шел в отделение милиции, согласно строгому предписанию, чтобы отметиться. Как и у всех чахоточных больных, у него была большая надежда на поправку, но недолго он протянул. Как только весной на реке тронулся лед, так с вешним льдом ушел и Феликс в ту страну, где нет ни тюрем, ни куриного супа, ни водки, ни курева.

В доме меня встретили радостно. Дети бросились ко мне обшаривать карманы. Я дал им по два куска сахара, которые оставил от утреннего чая. Мать мне предлагала поесть каши из пшеничных зерен с горьким льняным маслом. Эту кашу она называла «дубовой», но я отказался, чтобы зря не объедать их.

– Знаешь, Валя, – сказала мать, – сегодня к нам придут люди и священник на молебен и панихиду. Только ты об этом молчи и не говори никому.

Мы с ней посидели. Она показала мне письмо от отца, который был на Ленинградском фронте и сейчас лежал в госпитале, где лечился от цинги и последствий голодной дистрофии. Скоро в дом стали собираться молодые и пожилые женщины. После всех пришел старичок священник. Он первым делом попросил завесить окна. Зажгли керосиновую лампу, и не потому, что в городе не было электричества, но потому, что у нас в доме был исчерпан месячный лимит на электроэнергию, которой много уходило на электроплитку: на ней Феликс в горнице варил себе куриные супы. Священник снял пальто, и я увидел, что под пальто у него была одета ряса, полы которой были завернуты на плечи. На молебен собралось двенадцать молодых и старых женщин, или как говорят в Иванове – женок, со своими надеждами и скорбями. Надеждами на жизнь близких на фронтах и скорбью о тех, на которых пришли похороны из фронтовых канцелярий, где было написано: «Пал смертью храбрых». Мать застелила стол белой

льняной скатертью. Священник положил на него, вынув из саквояжа, требник, целовальный крест, Святое Евангелие, кадило и коробочку с ладаном. Впрочем, это был не росный ладан из Ливана, а русский ладан времен гонения на Церковь, с крепким и приятным запахом. Это были застывшие янтарные слезы, катившиеся по стволам наших еловых лесов. Вперед вышли и встали три старушки, искусные в церковном пении, и приготовились, поглядывая на батюшку. Батюшка надел на шею епитрахиль и начал молебен. Это было молебное пение против супостатов, нашедших на нашу страну. Батюшка, тронув пальцами свой наперсный крест, негромко провозгласил:

– Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Все осенили себя крестным знаменiem. Старушки вполголоса запели «Царю Небесный, Утешителю...». Пропели: «Спаси, Господи, люди Твоя...».

Батюшка замолк, остановил хор и послал одну из женок на двор осмотреть кругом дома, нет ли там какого соглядателя. Наступила пауза. Все молчали. Вскоре женка вернулась и сказала, что кругом все спокойно. И молебное пение продолжалось. Когда батюшка читал Евангелие от Матфея, зачало двадцать первое: *Рече Господь: просите, и дастся вам; ищите, и обрящете, тощьте, и отверзится вам,* – все благоговейно припали головами в белых платочках к полу в земном поклоне. Из светелки со свечкой в руке выглянул Феликс, посмотрел, ухмыльнулся и снова убрался в свою комнату.

Проникновенно, с любовью, батюшка прочитал записки за здравие с именами воинов. Окончив молебен, для панихиды батюшка раздул кадило, положив туда еловой смолы, и густой синеватый дым клубами поднимался к потолку. Вскоре из светелки с кашлем выскочил Феликс и стал кричать, что его хотят уморить. Мать успокоила его и отослала прогуляться на улицу. Начав панихиду, батюшка запел на восьмой глас тропарь: «Глубиною мудрости человеколюбно вся строя и полезное всем подавая...» В конце панихиды, перечислив по заупокойным запискам имена воинов, на фронте за други своя живот положивших, батюшка закончил панихиду, вытряс из кадила в таз с водой зашипевшие угли и сложил в саквояж книги и целовальный крест. Двое женок, попрощавшись, ушли домой, оставшиеся вместе с батюшкой сели за стол. Мать внесла и поставила на стол кипящий самовар, разложила чашки и блюда. Сахара и чая тогда и в помине не было. Вместо чая заваривали сушеную морковь или лист смородины с мятой. Вместо сахара мать насыпала в чашки немного порошкового сахара. Все женки развязали принесенные узелки и разложили на столе все, чем были богаты. Здесь были темные ржаные пироги с картошкой, коричневые сухари, и нарезанный кусками застывший гороховый кисель, и вареная картошка в мундире, и белый искусственный жир, называемый «лярд», и куски ржаного пайкового хлеба, и даже яичный порошок из Америки, который женки сыпали на хлеб. Это были яства военного времени. Мать принесенное разделила всем поровну, и агапа, или вечера христианской любви, началась. Батюшка прочел за трапезой молитву и благословил ястие и питье. А мать мою батюшка во время трапезы назначил читать в Четых житие святого апостола Фомы, так как был его день – девятнадцатое октября. Остальные молча, слушая житие Фомы-близнеца, приступили к трапезе. Посреди трапезы, когда на дворе уже была темень, вдруг в окна задрожали стекла от орудийного грохота. Батюшка приподнял занавеску, и было видно, как ночное небо озарялось разрывами снарядов и по небу неровно шарили лучи прожекторов. Это зенитные батареи вели заградительный огонь по немецким самолетам, направляющимся бомбить горьковские и сормовские военные заводы. Ивановские ткацкие фабрики они оставляли без внимания и, слава Богу, не бомбили. Когда все утихло, батюшка проникновенно заговорил:

– Чада мои дорогие, сегодня в этом доме мы тайно собрались на молебен и агапу – сиречь вечерю христианской любви, как это делалось в подземных катакомбах Древнего Рима первыми христианами при жестоких языческих императорах, когда христиан казнили или отправляли в цирк на растерзание диким зверям на потеху римской черни. Нам тоже за это небольшое собрание грозит наказание от советских властей: меня – в лагерь, где я уже отсидел один срок, а вас уволят с работы и тем лишат хлебной рабочей карточки. Но, милые мои, слышал я радостную весть, что ныне восходит заря церковной свободы. Иосиф Сталин однажды ночью вызвал к себе трех наших еще оставшихся в живых митрополитов и как будто разрешил вновь открывать Божии храмы, выпустить из заключения священников и соборно избрать Патриарха всея Руси. Официально этого пока в газетах не объявлено, но верные люди, приехавшие из Москвы, принесли мне эту благую весть. Возрадуемся и возвеселимся днесь. Господь услышал наши молитвы и увидел нашу скорбь. Посмотрите, что делается в вашей Ивановской области: все храмы разграблены, осквернены и закрыты. Народ остался без хлеба духовного в такое тяжелое время войны и скорбей. До революции я служил в большом чудном храме в Старой Вичуге. Храм был возведен на пожертвования купечества. Стены сияли замечательной роспи-

сю, под куполом была большая надпись золотом: «Чистые сердцем Бога узрят». Что же сейчас представляет из себя этот храм? Горе горькое, мерзость и запустение. И если эти слухи из Москвы окажутся верными, то, Бог даст, я еще послужу в своем родном храме.

Вот, пожалуй, и все о христианской агапе тех далеких скорбных военных времен в далеком от фронта тылу. И жаль, жаль мне добрый, кроткий и доверчивый русский народ, понесший неисчислимые жертвы в кровавом и безжалостном XX веке. Миллионы молодых женщин, состарившись, не оставив потомства, ушли, исчезли с лица земли, так и не дождавшись погибших на фронтах своих мужей. И матери тоже сошли в могилу, оплакивая своих невернувшихся сыновей. Горькая, горькая у тебя была судьба, Русь, в XX веке. И я молю Бога, чтобы эта эпидемия бед, несчастий и скорбей не перешла из XX века в XXI век, чтобы русский народ вновь обрел утраченную силу и нашу святую Православную веру, которая силою Святой Живоначальной Троицы, Словом Господа нашего Иисуса Христа под Покровом Пресвятой Богородицы возродилась, окрепла, просияла красотой и влилась бы в душу народную, чтобы народ жил и процветал на многия, многия лета.

1998 г.

Диктатор

Как обычно, он проснулся рано – еще не было и пяти часов утра. Большие, в рост человека, напольные английские часы нежно, с деликатной обязательностью, пробили половину пятого. Он открыл глаза, в голове что-то пульсировало и шумело нудным ветряным дутьем.

– Склероз, – подумал он, – старость собачья.

По совету покойного Серго – бывшего фельдшера, которого он выдвинул в наркомы тяжелой промышленности, он в каплях на молоке принимал йодную настойку, хотя это не очень-то помогало. Кремлевским эскулапам он не доверял и только раз в год допускал себя осматривать. Это были маститые академики и профессора, украшенные сединами и иудейскими носами. С каким-то плотоядным удовольствием он наблюдал, как они тряслись и бледнели, выслушивая трубочкой его широкую, поросшую густой черной шерстью грудь. Он взял пачку своих любимых папирос «Герцеговина Флор» и, разломав несколько штук, набил душистым табаком трубку. Щелкнув зажигалкой, закурил, обдумывая свои ночные видения. Всю ночь его давили кошмары, и он часто просыпался от сильного сердцебиения, весь в поту. Чутко прислушиваясь к ночной тишине, он трогал пальцем прохладную рукоятку браунинга под подушкой. Кнопкой звонка вызывал охранника, приносившего ему сухую сорочку. Он переодевался и опять засыпал.

А во всем этом был виноват начальник Генерального штаба, сделавший обстоятельный доклад об оккультной подоплеке фашизма, обо всех рычагах государственной машины, приводимой в движение силою сатанинских учений с таинственных вершин Гималаев и Тибета, куда Гитлер, для заимствования темных древних учений, посылал целую экспедицию из этнографов-окультистов, ясновидящих и лиц, искушенных в делах черной магии. Одним из плодов этих изысканий явилось создание мрачного оккультного братства дивизии СС. Диктатор сел в мягкое кресло и, попыхивая хрипящей трубкой, глубоко задумался. Страшная, неотвратимая сила германского вермахта в своем железном поступательном движении стремительно поглощала страну. И это была не простая военная сила в своей тактико-стратегической премудрости немецких генералов. Нет, это было извечное inferнальное движение на Восток, поддержанное не только мощной современной техникой, но всеми силами преисподней. Древнее, еще с языческих времен, стремление германских племен на Восток: *Drang nach Osten*. Окутанный клубами табачного дыма, он почувствовал стеснение в груди и нехватку воздуха. Приняв таблетку нитроглицерина, он встал, распахнул окно в сад, жадно вдыхая свежий утренний воздух.

Военная кампания в начале лета 1942 года с треском провалилась. Ужасающий разгром советских войск под Харьковом открыл путь немцам к Волге и Кавказу. Произошли катастрофические потери в живой силе и технике. На полях сражений остались горы трупов, масса искалеченных, миллионы оказались в немецком плену. Из сада потянул холодный ветерок, по спине пробежали мурашки, и он по-стариковски сразу озяб. Закрыв окно и поеживаясь, вызвал служителя, чтобы тот растопил камин. Дрова, потрескивая, пылали ярким пламенем, но диктатор долго не мог согреться. Именно сейчас он осознал, как близко к гибели государство и дело всей его жизни. Он представил, как его, посадив в клетку, повезут в Берлин и будут показывать в Тиргартене. И немцы будут тыкать в него пальцами и удивляться тому, что этот низкорослый, коротконогий и рябой человек был диктатором на одной шестой части земного шара.

Его томило и грызло, что борьба идет не на равных. Он не мог ничего противопоставить этой злой оккультной силе. Как марксист, он считал все эти разглагольствования нелепыми бреднями, поповскими фикциями. Однако со временем он убедился, что эти бредни материализовались и воплотились в мощный стальной таран. Он был недоучившимся семинаристом, променявшим Христа на коммунистические иллюзии Карла Маркса. А эти иллюзии оказались бесплодными и привели его – диктатора – к тому, что он сейчас имел. «Черт бы побрал этого

старого волосатого еврея, за которым я побежал, как мокрогубый теленок». Он с ненавистью покосился на большой, висевший на стене портрет бородатого классика, рухнул в кресло и схватился за голову: «Вай ме! Что делать? Что делать?!» На него шел сам ад! И он стал думать: все ли ресурсы страны на борьбу с врагом мобилизованы? Не остались ли еще какие-то скрытые резервы? Кажется, что все подчистую было взято и учтено. Да! Осталась только едва живая Православная Церковь с ее блистательным девизом, что и врата ада не одолеют ее!

А раз так, то остается проверить слова Христа, насколько они верны. И если действительно довериться Христу, то страна будет спасена вместе со спасительницей Церковью.

Диктатор не был сентиментальным человеком, но вместе с размышлениями о Церкви на него повеяло ароматом юности, вспомнились года, проведенные в стенах Тифлисской семинарии. Перед ним поплыли образы далекой юности: семинария со своеобразным укладом жизни, степенные священники-преподаватели с тугими косичками волос, горячие, истово верующие друзья-семинаристы. Весна в Тифлисе, цветущие сады, торжественная, душу пронзающая Пасхальная служба в кафедральном соборе «Сиони», от древности по пояс ушедшем в землю. Диктатор, в умилении повернувшись к востоку и возведя к небу коричневые с желтоватыми белками глаза, стал, как в детстве, шептать краткую грузинскую молитву, которой научила его мать: «Упалоше ми цале, Упалоше ми цале». Он вспомнил грузинских святых, на которых веками опирался и уповал его родной народ: Цминдо Георгиос, Цминдо Нино, Шио Мгвинский, Исе Цилканский; Иосиф, епископ Алавердский, Исидор Самтавинский, Стефан Хисский. Ему стало жалко себя, покойную мать, слезы скупно скатывались по коричневым рябым щекам. Но на душе стало легче. В детстве ему мать всегда говорила: «Сынок, я хочу, чтобы ты выучился на священника, и ты сам будешь наставлять наш народ в Законе Божием, а благодарный народ будет целовать твои руки».

Может, так и надо было поступить, как велела мать. И другой диктатор расстрелял бы его за веру во Христа и уложил в братскую могилу. Но, к сожалению, это он делал сам, почти полностью истребив Православную Церковь в стране. Помилует ли его Бог (если Он есть), когда он в покаянии возродит Церковь? Диктатор резко ударил пальцами по раскрытой ладони (характерный грузинский жест) и прокричал:

– Пусть меня унесет в преисподнюю дьявол, если я не амнистирую Церковь, не выпущу из лагерей попов и епископов, не открою семинарии по всей стране, по всей матушке России. Я отверзу двери храмов, чтобы везде запели Пасху и служили молебны за победу русского оружия. Я призову на помощь Церковь и все Святые Силы Небесные, и врата ада не одолеют Святую матушку Русь. Черт меня побери, если я сейчас же не сделаю это, чтобы у меня расселось чрево и чтобы я сдох, как Иуда Искариот, если я отступлю от своего обещания.

Тут он вспомнил, что митрополит гор Ливанских Илия Салиб лично ему прислал письмо, которое он не удосужился прочесть. Он нажал на кнопку звонка и приказал явившемуся дежурному немедленно доставить перевод письма. Жадно схватив украшенный христианской символикой, пахнувший ладаном лист с прикрепленным скрепкой фиолетовым русским переводом письма, он прочел, что митрополит Илия Салиб в посте и молитве ушел в пещерный затвор, где, пробыв довольно долго, сподобился явления Божией Матери, сказавшей ему, чтобы он сейчас, будучи устами Божиими, изрек диктатору России, что победы над врагом не будет до тех пор, пока не выпустят из узилищ всех священников и епископов, пока не откроют храмы Божии и в них не начнется богослужение...

– Какое странное мистическое совпадение с моими раздумьями, – прошептал диктатор, кончив читать письмо. – Оказывается, здесь не так все просто и земное крепко завязано с Небесным, с тем инобытием, о котором мы – коммунисты – забыли в своих суетных заботах и политической игре. Ну что ж, вначале надо пошевелить Лаврентия, немного взбодрить его.

Он снял телефонную трубку и набрал номер.

– Лаврентий, гамарджоба! Здравствуй! Ты уже проснулся? Что? Хорошо спал?! А понимаешь ли ты, сукин сын, что у нас творится на фронтах?! Ах, ты все понимаешь, но, видно, не разумеешь. Так вот, слушай внимательно: тут мы посоветовались с товарищами и решили тебя расстрелять.

– Меня расстрелять?! За что, батоно?!

– Как за что? Во-первых, ты – вор, во-вторых, гарем себе из артисток устроил, в-третьих, не способствуешь нашей победе над врагом.

– Прости меня, Иосиф, прости ради Бога. Последний раз прости, да я из шкуры вылезу, клянусь мамой, да будь я проклят со всем своим родом!

– Ну ладно, прощаю последний раз, но приговор пока будет условно. Посмотрим, как будешь работать дальше. А еще, мы посоветовались с товарищами и решили амнистировать Православную Церковь. Что, ты удивлен?! Стой! Не падай! Записывай: значит, из заключения выпустишь всех церковников с предоставлением им помощи питанием, деньгами и проездом. Откроешь по всей стране храмы Божии и как-то благоустрои, чтобы там началось служение и молебны за победу русского оружия. Откроешь также семинарии. Ты меня понял, Берия? Почему? Что почему?! Так надо!

Доставь ко мне срочно митрополитов Сергия (Страгородского), Николая (Ярушевича) и Алексия (Симанского). За ним надо послать самолет в блокадный Ленинград. Из тюрем и лагерей свези в Москву всех епископов. Будем на Соборе выбирать Патриарха Всея Руси.

Уже с раннего утра по всей стране работала правительственная связь «ВЧ», по всему Северу, Сибири, Магадану и Дальнему Востоку бешено стучали телеграфные аппараты, отдавая приказы в разветвленную сеть ГУЛАГа об амнистии и срочном освобождении всех церковников. По начальству был большой переполох. Никто из них не мог понять, к чему бы это? Но имя диктатора и его правой руки Берии, подписавших приказ, приводило их в трепет и покорность. На европейской части Союза уже вовсю цвело лето, а здесь, в сибирской глухомани, еще лежал снег и по ночам трещали морозы. Двукрылый биплан У-2 ранним утром приземлился лыжами на искрящийся на солнце снежный наст и подрулил к самым лагерным воротам. Выбежавший без шинели начальник лагеря угодливо помог сойти с откидных ступенек тучному правительственному курьеру в ранге полковника госбезопасности и повел его в лагерьную гостиницу. Важный посланник, отдуваясь, повалился на старомодный клеенчатый диван и сразу затребовал чаю с коньяком. Пока он с блюдечка схлебывал кипяток и пил коньяк, из барака привели заключенного. Это был высокий, истощенный голодом, болезнями и непосильным трудом старик. У него было серое изможденное лицо, без бороды, с обвисшими щеками и морщинистой шеей. Он снял арестантский колпак и прислонился к косяку двери. На его ветхом ватнике был нашит номер: «В 1977е-103».

– Ну что, папаша-архиерей, поедem в Москву? – отхлебывая кипяток, спросил его энкавдэшник.

Заключенный вздрогнул, помолчал и тихо ответил:

– Я в таком виде никуда не двинусь, тем более в Москву. Поеду только в архиерейском облачении.

– Ах ты, мразь! Да ты еще фордыбачить, да я тебя в ледяном карцере сгною!

Начальник лагеря поспешно нагнулся к уху посланника и зашептал:

– Напрасно вы так, товарищ полковник. Это не простой архиерей, а профессор-хирург с мировым именем. Лично известен *самому*. Так что вы с ним поаккуратнее.

Посланник поперхнулся чаем и долго кашлял, посинев и налившись кровью.

– Пусть составит опись своих поповских мундиров, – прохрипел он.

Вызвав летчика, полковник отдал ему приказ лететь в областной город и добыть там архиерейское облачение со всеми причиндалами на шею и посох в костюмерной областного драмтеатра.

А меж тем усилиями всемогущего наркома внутренних дел Лаврентия Берия, к столице неслись поезда и летели самолеты, свозившие из ссылок, лагерей и тюрем архиереев и священников. Но, к сожалению, к тому времени в наличии таковых оказалось немного. Изъятые из музеев и костюмерных духовные облачения висели на этих истощенных людях, как на вешалке.

Из блокадного Ленинграда на скоростном военном самолете доставили в Москву митрополита Алексия (Симанского). Всех архиереев и митрополитов собрали вместе в московской гостинице средней руки. Перепуганные старцы сидели за столом, уставленным невиданными и давно забытыми кушаньями и напитками. Там на узких фарфоровых посудинах лоснились янтарным жиром звенья отварной семги, толпились вазочки с кетовой и паюсной икрой, они перемежались с разнообразными рыбными салатами и другими гастрономическими премудростями. Не обидели старцев и вином, которое тоже здесь стояло в изобилии. На бледных лицах служителей культа были недоумение и страх. Им ничего не объясняли, но обращались вежливо и предупредительно. Особенно был шокирован этим изобилием митрополит Алексей, доставленный из блокадного Ленинграда. Он боялся вкушать эти великолепные яства после долгого голодания, чтобы ему не умереть, а съел только маленький бутерброд с паюсной икрой и выпил стакан чая. Митрополитов Сергея, Николая и Алексия служитель препроводил в отдельный номер и предупредил, что сегодня вечером им предстоит встреча с диктатором. Они боялись комментировать это сообщение, так как знали, что здесь все прослушивается.

Митрополит Николай взял листок и написал: «Что нам уготовал этот лютый тигр, растерзавший нашу Церковь?»

Митрополит Сергей продолжил: «У немцев на фронтах большие успехи, страна и режим близки к гибели. Я думаю, он, как за соломинку, решил ухватиться за Церковь. Я слышал о письме к нему митрополита гор Ливанских Илии Салиба».

Митрополит Ленинградский Алексей дополнил: «Я думаю, что диктатор, как религиозно образованный человек, решил противопоставить демонической подоплеке германского вермахта Русскую Православную Церковь».

После чего митрополит Николай сжег листок и растер пепел в ладонях под струей воды в раковине.

К вечеру к гостинице был подан большой черный ЗИС и митрополитов повезли на ближнюю дачу диктатора. Когда они вышли из машины, охранники тщательно обыскали каждого, прежде чем провести в дом. Там предложили им подождать в приемной, а минут через десять пригласили в гостиную, где за обильно накрытым столом сидел сам хозяин. Он под благословение не подошел, но, слегка кивнув головой, сказал:

– Здравствуйтесь, святые отцы, прошу садиться в кресла. Знаю, знаю, что вы мученики и Ангелы наши земные, поэтому, чтобы не согрешить и не оскоромиться, все здесь на столе приготовлено рыбное, постное: грибки соленые, икра, пироги с вязигой. Садитесь, покушайте, чем Бог послал, выпьем во славу Божию и поговорим по душам. Глядишь, после этой беседы и грехов у меня поубавится.

Старцы поклонились вождю и уселись за стол. Митрополит Сергей благословил трапезу и прочитал молитву перед вкушением. Митрополит Алексей с удовольствием отметил, что посторонних за столом не было. Только иногда заходили служители в белых перчатках, что-то убирали со стола и что-то ставили. Диктатор улыбнулся, прищурился и обратился ко всем трем старцам, одновременно наливая им в бокалы его любимое вино «Хванчкара»:

– Так вот, дорогие мои, я пригласил вас, чтобы сообщить вам (звучит, как у Гоголя), да, чтобы сообщить вам некоторое приятное известие. Тут мы посоветовались с товарищами и решили возродить Русскую Православную Церковь во всей ее былой красоте.

Старцы удивленно откинулись на спинки кресел, а Николай даже выронил вилку, звякнувшую о блюдо.

– А как же ваши коммунистические принципы и идеи? – спросил он.

– Знаете, дорогой мой Владыко, – ответил хозяин, – во всяких принципах, идеях, а также в политике всегда имели место и будут иметь во веки веков некоторые зигзаги. Политика должна быть гибкой и целесообразной. Вы меня поняли, святой отец?!

– Понял.

– А что вы можете сказать по этому поводу?

Владыка Николай деликатно откашлялся и сказал:

– Если хотите знать мое мнение, то это решение правильное и своевременное. Идет страшная война с германским фашизмом, и народ нуждается в поддержке духовной и утешении, так как в каждой семье есть погибшие и раненые.

– А что скажет митрополит Алексей, разделяющий с народом тяготы и страдания ленинградской блокады?

– На ваш вопрос я отвечу, что больше немецких пушек и танков нам надо сопротивляться и противостоять той оккультной эзотерической идеологии, с которой идет на нас немецкая армия. Я с детства знаю немецкий язык и иногда по радиоприемнику слушаю передачи из Германии на Восточный фронт. И я просто поражаюсь, какой бесовщиной и демоническими идеями они насыщают своих солдат.

– Вы верно заметили, Владыко, я так и думал, – раскуривая трубку, сказал диктатор. – Так что, по-вашему, в первую очередь должно сделать советское правительство?

Митрополит Сергей начал перечислять: открыть храмы, выпустить из заключения священников и епископов.

– Об этом мы уже распорядились, предвидя ваше предложение. А что, святые отцы, не против ли вы, чтобы избрать Патриарха?

Владыка Сергей встрепнулся.

– Об этом наша Церковь мечтает еще с Петровских времен, но для избрания Патриарха надо собрать Поместный Собор.

– А сколько вам для этого надо времени?

– Месяца три.

– Нет, это долго. А если по-нашему, по-большевистски? А?.. Я думаю, что хватит и одной недели.

Митрополит Сергей удивленно поднял брови.

– Мы не против, если Вы нам поможете.

Диктатор снял трубку телефона:

– Товарищ Берия, тут у меня в гостях святые отцы сидят. Вот мы с ними посоветовались и решили созвать Собор для избрания Патриарха Всея Руси. Да... да... вот именно – Всея Руси. Ты не ослышался. Так что окажи содействие и предоставь все, что потребуется для этого.

В трубке слышно ворчание:

– С ума можно сойти! То Берия лагеря устраивай, то поповский Собор организовывай.

– Не ворчи, Лаврентий, на то ты и поставлен наркомом внутренних дел.

– Итак, кажется, все сделано. Вы свободны, ваши высокопреосвященства. Если что, обращайтесь к товарищу Берия, и он все устроит.

И с этого дня началось великое возрождение Русской Православной Церкви. Была закрыта редакция журнала «Безбожник», в прессе тоже стали придерживать языки в смысле нападок на Церковь, распустили Коминтерн. Вскоре состоялся Поместный Собор, на котором Патриархом был избран митрополит Сергей (Страгородский). В храмы потянулся православный народ, и там стала совершаться Божественная литургия, стали служить молебны о победе русского оружия над врагом-супостатом. И Господь внял гласу Церкви и народа и не допустил погибнуть России. Положение на фронтах резко изменилось в пользу Красной Армии, и враг медленно, с боями, стал отступать на запад, в свое логово. И всем стало видно и ясно, что Цер-

ковь оживотворила народ, как будто тяжелобольному перелили свежую кровь. И народ стал говорить:

– Христос посреди нас!

Диктатор стоял у окна своей кремлевской квартиры и, смотря на золотые кресты кремлевских соборов, был в глубоком раздумье. Опять было хмурое утро. Из Генерального штаба позвонили и сообщили, что окружена и уничтожается очередная крупная группировка немецких войск. Он опустил в кресло и, раскурив трубку, продолжал размышлять: «Вот, как оно все повернулось». Хотя опять сегодня была ненастная погода и мелкий дождь дробно сыпал на холодные камни кремлевских площадей, у него появилось желание выйти на воздух. Надев шинель и фуражку, он прошел мимо часовых, отдавших ему честь, и по мокрой брусчатке медленно направился к Успенскому собору. По его знаку пожилой сержант отворил старые заскрипевшие ворота. Он шел по каменным плитам, и звуки его шагов гулко отдавались в пустом холодном помещении собора. Остановившись у большой древней иконы Христа Вседержителя, он долго стоял, не снимая фуражки, пристально вглядываясь в кроткие глаза Христа. Наконец он вынул изо рта погасшую трубку и заговорил, как бы рассуждая сам с собой:

– И все же я был неправ пред Тобою, небо не оказалось пустым, и я вынужден Тебе сказать то же самое, что когда-то сказал Тебе умирающий император Юлиан-отступник: «Ты победил, Галилеянин!»

Май 2003 г.

Облако

*О, что за облако над Русью пролетело, Какой тяжёлый сон в
пустующих полях!*

А. Апухтин

Лето в этом году было богато грозами с тяжелыми, обложными дождями, с порывистыми ветрами, вздымавшими на реке белые пенные волны, а если выдавались сухие жаркие дни, то по вечерам на западе полыхали синие зарницы, и закаты отличались багровым мерцающим светом.

Украинский городок, куда я направлялся, был совсем небольшим, похожим более на раскидистое село, примостившееся на высоком берегу реки, с садами, огородами, кирпичными домиками и белыми, совсем сельскими, мазанками. Почти у всех его обитателей было свое небольшое хозяйство, и поэтому на центральной, грязной и обильной лужами улице можно было видеть вольготно бродивших гусей и поросят. Вообще-то городок был пустяшный, и к нему не подходила ни железная дорога, ни порядочное шоссе, и сообщение, главным образом, совершалось по реке, где регулярно курсировали небольшие пароходики. На одном из таких пароходиков, носящем гордое имя «Перемога», я и направлялся в этот городок, где у меня испокон веков жили родственники. Эта «Перемога» недолго перемогалась, плывя по течению, и, не доходя до городка, вдруг остановилась, уткнувшись носом в берег. Из машинных недр на палубу вылез, вытирая паклей грязные руки, судовой механик и объявил, что пароходик дальше не пойдет по случаю великой szkody в механизмах.

Надо упомянуть о том, что это было время, когда на Украине гроыхнула атомная электростанция и смертоносная радиоактивная мгла заволокла громадные территории Украины, Белоруссии и России. Только и было тогда на слуху это жуткое слово: Чернобыль, Чернобыль, Чернобыль. И вот, по прошествии нескольких лет, я ехал в этот городок, где тоже пролился радиоактивный дождь, и люди, живущие там, получали «гробовые» деньги на лечение и на утешение.

Я высадился с пароходика вместе со знакомой попутчицей Тоней на дорогу, идущую вдоль зоны отчуждения, на многие километры огражденную колючей проволокой. Проволока уже успела потемнеть, и над этой, ранее благословенной, а теперь проклятой землей синело такое же небо, пыльным разнотравьем красовались луга, летали и пели птицы, на крышах обезлюдевших хат виднелись раскидистые гнезда, и в одном, поджав ногу, задумчиво стоял аист. На полях, где раньше волнами колыхалась пшеница и густыми рядами стояли золотистые подсолнухи, теперь все поросло бурьяном и кустарником. Над полями вились бабочки, жуки и шмели, иногда пробегала одичалая лохматая собака, в бурьяне копался целый выводок ничейных свиней, но людей не было. Все было брошено на этих полях, и знаком беды стояли заржавленный трактор, и развалившаяся полуторка, и облупившийся комбайн.

И хаты – ранее теплое, веками обжитое человеческое жилье – теперь смотрели тусклыми глазницами окон и распахнутыми дверями. Что-то незримое, но смертоносное висело над этой зоной отчуждения, и это была смерть в новой, невиданной и неслыханной доселе форме, дьявольское порождение высоких, но безбожных умов XX века.

Моя попутчица Тоня – молодая женщина с мучнисто-бледным лицом и пышными локонами каштановых волос, которые она постоянно поправляла тонкими пальцами. Разговаривая, она как-то по-детски виновато смотрела на меня своими большими голубыми глазами. Мы с ней познакомились еще в поезде. Она возвращалась домой, отлежав два месяца в институте радиационной медицины.

– Вот, живу-доживаю, – говорила Тоня, – наглоталась, надышалась этой заразы, и отняла она у меня жизнь и здоровье. А раньше я была красивая, цветущая, веселая. Когда гроыхнуло на атомной станции, нас отселили с Припяти, но если тебя ужалила змея, то хоть отселяй, не отселяй – яд змеиный уже в тебе, с тобой и все отравляет и разрушает.

– Но ты, Тоня, и сейчас неплохо выглядишь, только бледновата, но зато кудри такие, что хоть в кино.

– Ах, так вам кудри мои понравились! Ну так – смотрите! – Тоня схватила себя за волосы и потянула вверх. Под париком обнаружился голый, обтянутый бледной кожей череп. – Я у Алексея Апухтина читала нечто, написанное в XIX веке стихотворение:

О, что за облако над Русью пролетело,
Какой тяжелый сон в пустующих полях!

– Это над нашим городком оно пролетело и унесло не только мои волосы и здоровье, но и многие, многие жизни.

А мои родственники жили в небольшом городке вблизи тридцатикилометровой зоны отчуждения. Глава семьи был ученым лесничим, в ведении которого находились лесные угодья в районах Припяти и Десны. С седой клиновидной бородкой и чеховским пенсне на толстом носу, он выглядел старым земским деятелем, радеющим о начальных школах и сельских больницах. Жена его тоже была ему под стать: этакая полная дама с благородными манерами. Еще с ними жила сестра жены – крепкая хозяйственная старушка. После случившейся катастрофы комиссия, приехавшая в их городок, предлагала им покинуть дом и переселиться подальше от опасной зоны, но на семейном совете старики решили доживать свой век в родном гнезде. Насильственно их не выселяли, но строго-настрого наказали: огородам не пользоваться, в лесу грибы-ягоды не собирать, корову не пасти, а постоянно держать в сарае на привязи на привозном сене, колодец держать закрытым и следить, чтобы туда не затекала дождевая вода.

Рассказав мне все это, дядя мой, Сергей Иванович, повел меня в сарай, где буренка уныло в полутьме потребляла сено, а почти ослепшие куры ходили по сараю и разгребали лапами навоз. Лишь пятнистый поросенок всем был доволен и, наращивая аппетит, жадно пожирал из лохани теплое месиво.

«И нам плохо, и скотинке невесело, – вздохнув, сказал дядя. Недавно по делам службы я был в запретной зоне и сделал вывод, что атомная радиация такой силы – в нашем мире явление новое и на нее не реагируют ни животные, ни птицы, ни насекомые, хотя все они загодя прячутся, предчувствуя ураганы, землетрясения, наводнения. Генетически в них не заложено чувство опасности радиации. Следовательно, это новое явление, порожденное умом безбожных ученых. Между прочим, в Священном Писании предсказана эта катастрофа: у Иоанна Богослова в Апокалипсисе без обиняков сказано: *Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде "полынь" и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.* И к этому еще надо сказать, что полынь по-украински – чернобыльник. Вообще, не спросивши согласия населения страны, власти настроили эти чудовищные атомные электростанции – эти потенциальные источники смерти, эти молохи, пожирающие жизни людей. А нужны ли они в условиях нашей страны, столь богатой могучими реками, углем, нефтью и газом? Я думаю, что многие ответили бы: «НЕТ!»

Итак, далее о зоне отчуждения: люди из опасной зоны ушли, но птицы, животные и насекомые продолжают там жить. Под влиянием радиации все они стали крупнее, а брошенные домашние животные одичали. Немало среди них и мутантов: я сам видел аистов с тремя ногами, двухголовых поросят, совершенно голых бесшерстных собак. Даже фрукты в два-три раза больше обычных и уродливой формы. Цыгане, которые там поселились, говорят, что ночью эти плоды слабо светятся. Да, немного людей там есть. Это обделенные судьбой бездом-

ные бродяги. Они вселились в брошенные дома и живут там, не обращая ни на что внимания, и не верят, что здесь все отравлено. Они берут воду из колодцев, потребляют с огородов овощи, пасут коров, ловят и едят свиней. Они говорят, что надеются на Божию защиту. “Перед тем, как есть и пить, трижды перекрестим еду, призовем Божие благословение и едим. И ничего, пока живы-здоровы. А умирать все равно от чего-нибудь придется”.

Я заглядывал в брошенные дома и увидел, что там уже кто-то похозяйничал. Во-первых, конечно, здесь ходили охотники за иконами. В домах икон уже не найдешь, да и много чего пограблено, хотя жителям при отъезде брать с собой ничего не разрешали из-за радиоактивной пыли. Божиим попущением беда, случившаяся на Украине, распростерла свои черные крылья и над Белоруссией, и над Россией.

“О, что за облако над Русью пролетело?!”

Много, много юных жизней погибло, и еще многие годы в городах и селах страны будут болеть и умирать чернобыльцы. Эта особая категория людей, ликвидаторов катастрофы, положивших жизни свои за други своя. Низкий, низкий земной поклон им за их подвиг.

К сожалению, в одном из самых благословенных мест Украины в ее живое тело до скончания веков врезалась смертоносная звезда “Полынь”, которую не забыть, не избыть. И сидит она на водной артерии реки Припять, которая впадает в Днепр, питающий водой Украину».

Так сокрушенно говорил старый лесничий Сергей Иванович. Этой семьи уже нет на свете. Каждый год в течение трех лет я приезжал на похороны. Первой умерла хозяйка, потом ее сестра и последним Сергей Иванович. И во всех трех свидетельствах о смерти был проставлен один диагноз: хроническая лучевая болезнь.

У прозорливца

Жизнь моя складывалась как-то нелепо, неудачи постоянно преследовали меня, но я надеялся на время, что оно все поправит, не зная еще того, что время лукаво, быстротечно и исподволь пожирает наши годы. По простоте своей я думал: «Вот придет новый, XXI век, и все как-то переменится в лучшую, благую сторону». Но вот пришел он, этот долгожданный новый век, и заставил меня содрогнуться от ужаса, потому что сразу глянул бездонным сатанинским взглядом смерти. Нежданной, негаданной, беспощадной смерти от слепого террора. В XX веке, когда враг был явственно виден на своих рубежах, мы боролись и победили. И даже потом, когда мы жили в тени ядерной бомбы, тоже как-то жили, правда, с тяжестью на душе, стараясь не думать о том, что мир в одно мгновение может быть сметен с лица земли, но все же жили.

Но сейчас как жить, когда идет необъявленная война, когда нет рубежей и границ и все накатывает так неожиданно внезапной смертью. Порождение смерти – террор, ведущий ее тактику и все ее приемы, от которых нигде нет спасения: ни дома, ни на работе, ни в театре – вообще ни в одной точке земного шара. И встал роковой вопрос: как жить перед лицом смерти? И бытие наше становится пиром во время чумы. Ад открыл свои запоны, и зло огненной лавой хлынуло на грешную землю.

К сожалению, ответа на свои сетования я не находил, кроме Божиего определения, что мир лежит во зле. А раз так, то и удивляться нечего. Стало быть, современное зло приобрело такие формы, что жизнь превратилась в своеобразную лотерею. Кто вытянет счастливый билет благополучия, тот и живет, но знает, что пуля и динамит, невзирая на лица, уносят из жизни и богача-олигарха, и губернатора, и полунущую старуху, пришедшую на базар за пучком морковки, и жирующих туристов, падающих с десятикилометровой высоты на землю вместе с обломками воздушного лайнера, и даже президента страны, пораженного в череп пулей снайпера.

С такими думами я шел по мокрому кочковатому болоту, поросшему твердой острой осокой, какими-то дикими кустами, зияющими ржавыми болотными промоинами и давно настиленной подгнившей гатю. Серое, осеннее, сыплющее мелкий дождь небо низко висело над этой унылой русской равниной. Около меня рыскала, постоянно встряхиваясь, моя собака, плечо мне давила старая тульская двустволка, и за целый день хождения по этим окаянными местам мне удалось подстрелить двух увесистых уток. Уже устал я от целодневного хождения, но больше от горьких своих дум. Наконец по компасу вышел я к деревеньке Горелово, состоящей из невзрачных, мокрых от косога дожда избышек. Несколько заспанных лохматых собак вылезли из-под сараев и лениво облаяли меня. Жилых домов в деревеньке было не более пяти, в них доканчивали свой век древние старухи – вдовы прошедшей страшной войны. Остальные дома пустовали с заколоченными досками окнами. Как ни странно, в одной избышке была устроена неплохая библиотека, которой заведовала хромая девка-вековуха. Был здесь и скособоченный магазинчик, где на полках лежали окаменевшие куски хозяйственного мыла, пудра, косы-литовки, покрытые пылью стеклянные банки с маринованной свеклой, пожелтевшие пачки соли грубого помола. Сюда раз в неделю приезжал фургон, привозивший из центра буханки серого хлеба. Когда не было дожда, деревенские старухи любили сидеть на порогах магазина и ждать: вдруг что привезут. Бывает, что привезут мешок желтых ванильных сухарей или печенье к чаю.

Когда я вошел в крайнюю избу, там сидели за столом и пили чай три старухи.

– Здравствуйте, бабоньки, – сказал я.

– Здравствуй, охотничек, откуда тебя Бог принес? Нешто наше болото все прошел?

– Да, все ваше болото прошел. Вот две утки. Возьмите себе.

– Спаси тебя Бог. Раздевайся, присаживайся к столу, поешь кашки да попей с нами, старыми, чайку.

Мне наложили миску пшенной каши с подсолнечным маслом и налили большую кружку чая.

– А что, бабушки, мужиков у вас в деревне нет, что ли?

– Мужиков у нас всех война взяла, а молодые, которые подросли, все в город подались. Есть у нас, правда, один старичок пришлый, но старый очень. Сам священник-монах. Еще при Хрущеве пришел и поселился у нас в пустой избе. Его согнали с места, когда Хрущев церкви закрывал.

– А чем живет ваш старец?

– А огородик у него небольшой есть, да и мы, старухи, его подкармливаем. Кто кашки, кто супец какой, кто хлебушка принесет. Вот и живет Божий человек, за нас за всех молится. Травами тоже знает, как лечить. Помогает нам от напастей. Все мы старые, и ревматизмы совсем было одолели.

– Так вы здесь живете и не знаете, что на свете творится?

– Ну как не знаем! В библиотеку к Маньке газету привозят, но мы по слепоте читать-то уже не сильны, но больше новостей от батюшки узнаем. У него есть радио на батарейках, так он нам всегда рассказывает. Вот, как в Америке две громадные башни вместе с народом повалили, как в Москве в театре зрителей вместе с бандитами газом удушили. На базарах тоже совсем зря народ подрывают, запугивают, чтобы народ на базары не ходил. Время пошло такое – сатанинское.

– А мне, бабоньки, можно к нему пойти?

– А отчего же не можно. К нему народ ходит и из других деревень. Он всех принимает. Побеседует, совет какой-никакой даст, скорбящего утешит. Если пойдешь, то отнеси ему сумочку. Я сейчас наберу ему, что покушать. Ну там супчику, кашки, картошки. Вот бутылочку молочка, рад будет.

Двери на мой стук отворил ветхий, постного вида старец, небольшого росточка, со сквозной седой бородкой. На нем был весь посеревший от старости, закапанный воском черный подрясник, на груди на цепочке – потемневший от времени иерейский крест. Старец со словами: «Милости просим!» поклонился мне в пояс.

– Охотничек? Заходи, милый, гостем будешь. Я всех принимаю. Небось, промок на болоте, погреешься, у меня печка истоплена. Сумочку несешь от старушек? Храни их Господь, не забывают меня. А ты православный али невер?

– Я – православный.

– А отчего на иконы не молишься?

– Да я, батюшка, растерялся, не огляделся сразу. Да они у вас занавешены.

– Сейчас, родной, открою. Клади три земных поклона и говори за мной: «Боже, милостив буди мне, грешному. Создавый мя, Господи, помилуй мя. Без числа согреших, Господи, помилуй и прости мя, грешного». Сегодня у нас день не постный. Вот мы сейчас и кашки с молочком покушаем, и чайку попьем. Слава Богу, люди меня не оставляют.

Старик выставил на стол потемневшие алюминиевые миски, гнутые ложки, солонку с крупной магазинной солью, сточенный нож с деревянной ручкой. На блюде положил пару плоских соленых огурцов.

– Ружьецо-то не держи в руках. Вот повесь его сюда на гвоздь. Собачка пусть в сенях погостит, я ей уже дал покушать. А в келье ей не положено. Старцы не велят пускать собачек, где святые иконы есть. Потому как собака – зверь нечистый. Вот настоечка ягодная. Я налью тебе стаканчик. Выпьем во славу Божию.

Старец прочел молитву перед трапезой, благословил ястие и питье, и мы приступили к еде. После еды помолились, убрали со стола. Затем опять сели за столом напротив, и старец сказал мне:

– Видел я тебя духом, как ходил ты по нашему болоту и все думал и горевал о судьбах человеческих и о том, куда зашло человечество.

– И то правда. Было такое.

– Видишь ли, родной мой, я давно живу здесь на отшибе, с тех пор как богоборец Никита согнал меня с места, а монастырь наш разрушил, и молюсь непрерывно за весь род людской. И неоднократно было мне явление и в тончем сне, и наяву о судьбе всего мира и о нашей России. И особенно в свете распространившегося ныне слепого террора в мире грешном и прелюбодейном, как называл его Сам Христос. То, что я тебе буду рассказывать, есть великая тайна, посланная мне Создателем через видения, и пока я не предам Богу душу, тебе надлежит молчать и хранить ее в тайне. Но как услышишь о моей кончине, можешь тогда поведать это людям. Видишь ли, родной, террор – это порождение сатаны. По совести сказать, по-настоящему он развернулся у нас в России еще в XIX веке. Нечаев – его крестный отец. По сути говоря, он у нас в России и не выводился никогда. И в царское время много достойных людей омылись своей кровью. Тогда террор был политический, и многое в стране могло бы пойти другим путем, если бы террористами не были убиты такие личности, как Государь Александр II и премьер Столыпин. Затем он принял массовый характер во время Гражданской войны и в сталинские времена.

В настоящее время у террора, в основном, арабское лицо. Сейчас на планете схлестнулись Крест и Полумесяц. Конечно, иногда это только видимость, а подспудно, может быть, большая политика. Им порой не дают спать и мерещатся ушедшие в далекое прошлое вселенские халифаты.

Чем же все это кончится?! А кончится это тем, что Господь вразумит вздорное, жестокое и отпавшее от Бога человечество. Как было это перед вселенским потопом. Земля уже вопиет к Богу от беззаконий и злодеяний, которые творят на ней народы. Уже в некоторых странах наступает невыносимая жара, небо заключается и годами не дает дождя. И население начинает вымирать от жары, голода и скверной питьевой воды. Иссякли водные источники, начали погибать животные и птицы, усеивая своими костями русла пересохших рек. Уже началось и с каждым годом все усиливается бегство населения из непригодных для жизни стран в более благоприятные для жизни места планеты. Уже началось великое переселение народов мира. Здесь перед людьми встала единственная задача – выживание. И межрелигиозная вражда, террор и всякие межгосударственные неприязненные отношения перед лицом вселенской беды уйдут в прошлое и предадутся забвению.

И вот мне в этой жалкой избушке, около нашего большого унылого болота, неоднократно было видение: я был как бы поднят белыми Ангелами высоко в небо так, что мне представилась наша медленно вращающаяся Земля. И я увидел, что планета наша безнадежно больна. Голубизна океанов стала тусклой, а прежде зеленые материки оказались с серыми и красноватыми дымящимися проплешинами. И единственное место на земле, сияющее свежей сочной зеленью, – это наша Россия. И к ее границам тащится изможденное и умирающее человечество. Миллионы белых, черных и желтых народов, больных и обезумевших от жары, таборами останавливаются у ошетилившихся колючей проволокой, танками и пушками границ великой страны, в которой Бог еще сохранил возможность жизни. Пришлые народы каждый день тысячами хоронят своих мертвецов и протягивают истощенные руки в сторону России и на всех языках мира со слезами и отчаянием умоляют о помощи. В церквях и монастырях России день и ночь идут службы, к Богу возносятся молитвы о покаянии и спасении страны и всех людей. День и ночь во дворце заседает правительство страны, ища разрешения этого тяжелого и неслыханного вопроса. Как поступить с народами мира, осадившими границы нашей страны?

И большинство предложений: сжечь их лазерными пушками или испепелить водородной бомбой. Министры, генералы и сам президент все в поту, они не спали несколько ночей, мундиры их расстегнуты или сброшены на пол, волосы взъерошены, стоят дыбом. Они беспрерывно курят, что-то пьют из бутылок и не могут ни на что решиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.